

с другой стороны, отрицая самобытный вклад южных славян, некоторые ученые в конце концов пришли к очень крайним и спорным выводам.⁸⁸

В заключение заслуживает упоминания то, что из Салоник, насколько можно судить по некоторым скудным упоминаниям, в южнославянскую среду проникали не только официальные «православные» влияния, но и еретические.⁸⁹

Одним из важнейших центров славянско-византийского общения и сотрудничества на протяжении всего средневековья был Афонский полуостров с его многочисленными монастырями, скитами и кельями. Когда-то Иречек, говоря о связях балканских славян с Афоном, писал, что Святая Гора являлась великой литературной школой этих земель»,⁹⁰ в то время как другой современный ученый определяет Святую гору как «духовный центр Восточной Римской империи» средневековья.⁹¹ Монахи славянского происхождения обособились на Святогорском полуострове еще в первые века после возникновения там обителей. Они создали такие обители, как Зографскую, св. Пантелеймона и Хиландарскую, которые до сих пор сохранили свой славянский облик, но вместе с тем проникли почти во все другие маленькие и большие монастырские общезития. Монахи славяне были в таких монастырях, как Лавра, Ватопед, св. Павел, Симоноспатра, Ксенофонта, Дожиара, Филофея, и других, которые в настоящее время полностью находятся в руках греков. Преимущественно греческий облик святогорские обители приобрели лишь в последние десятилетия, когда приток монахов из южнославянских и восточнославянских стран почти полностью прекратился. В течение многих веков и вплоть до начала нашего столетия обитатели Святогорского полуострова представляли пестрое смешение народов, объединенных византийским православием, среди которых монахи греческого происхождения были на втором месте.⁹² В эпоху средневековья, когда между византийцами и славянами не существовало того острого антагонизма, какой проявился в более новые

⁸⁸ Не входя в подробности этого вопроса, поставленного на обсуждение на XII Международном конгрессе византологов в сентябре 1961 г. в Охриде, нужно указать по крайней мере некоторые публикации: А. Хунгоровулос, *Thessalonique et la peinture macédonienne*. Athènes, 1955. Критические замечания на это исследование содержатся в докладе профессора В. Н. Лазарева: *Живопись XI—XII веков в Македонии*. — XII-e Congrès international des études byzantines, Ochride, 1961. *Rapports V. Belgrade—Ochride*, 1961, стр. 105—134 (с 36 иллюстрациями). Кроме того, см. отдельные высказывания в сборнике: XII-e Congrès international des études byzantines. Ochride, 1961. *Rapports complémentaires. Résumés*. Belgrade—Ochride, 1961.

⁸⁹ Массалианская, или богомильская, ересь, по патриарху Каллисту, проповедуемая салоницкой монахиней Ириной, проникла даже в Тырново, когда в Тырновскую Болгарию пришли изгнанные с Афона ее приверженцы Лазарь и Кирилл Босота; см.: В. Н. Златарски. *Житие...*, стр. 19, 21 и сл.; П. А. Сырку. *К истории исправления книг в Болгарии в XIV в.*, стр. 131 и сл., стр. 257 и сл.; Хр. Попов. *Евтимий последен тырновски и трапезицки патриарх*, стр. 25; Д. Ангелов. *Богомильство в Болгарии*. София, 1961, стр. 277. Еретики шли в болгарские земли и из Царьграда.

⁹⁰ К. Иречек, *И. Радонић. Историја срба*, II. Београд, 1923, стр. 69.

⁹¹ В. Мошин. *Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI—XII вв.* — *Byzantinoslavica*, t. IX. Prague, 1947, стр. 56, 66.

⁹² По данным Йорд. Иванова (Български старини из Македония. София, 1931, стр. 230), в 1912 г. национальный состав монахов Святой Горы распределялся следующим образом: из 10 200 человек русских — 3615, греков — 3207 (в связи с этим надо припомнить, что часть из монахов греков были болгары, влахи, или албанцы, которые ради пребывания в греческих монастырях и скитах сознательно выдавали себя за греков), болгар — 340, влахов — 288, сербов — 18, грузин — 25, послушники и рабочие разных национальностей, главным образом греки и болгары; ср.: Йорд. Иванов. *Българите в Македония*. София, 1917, стр. 44, прим. 1.